

РРР-Б-№ 106817

№ 4-й.

ВѢСТНИКЪ

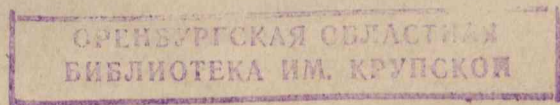
ОРЕНБУРГСКАГО

УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1912 годъ.

У Ф. А. 1912.

Электрическая Типо-Литография Т-ва О. Г. Соловьевъ и К^о.

III. Научный отдѣлъ.

Къ вопросу о переселеніи въ Тургайскую область.

„Хотя оная киргизъ-кайсацкая орда—степной и легкомысленный народъ, токмо всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата; и той ради причины оная орда потребна подъ російской протекціей быть, чтобы только чрезъ ихъ во всѣхъ странахъ комоникацію имѣть и къ Россійской сторонѣ полезныя и способныя мѣры взять“.

(Взглядъ Императора Петра Великаго. См. В. Н. Витевского „И. И. Неплюевъ“. Историческая монографія. Казань. 1889 г., вып. I, стр. 136).

Переселенческіе вопросы вообще принадлежать къ числу тѣхъ острыхъ вопросовъ нашей общественной жизни, около которыхъ издавна сосредоточивались наиболѣе ожесточенные споры, и за рѣшеніе которыхъ брались люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, направленій и положеній. А такъ какъ „переселенческій вопросъ не составляетъ достоянія какой либо одной мѣстности, и не можетъ быть приуроченъ къ тому или иному времени, ибо онъ общъ всей Европейской и Азіатской Россіи“¹⁾, то и болѣе частный вопросъ—о переселеніи въ Тургайскую область—не избѣгъ общей участи переселенческихъ вопросовъ, и потому, онъ, несмотря на сравнительно позднее возникновеніе и нѣкоторыя особенности своего развитія, имѣетъ свою исторію и свою литературу. Достаточно будетъ отмѣтить здѣсь, что даже доселѣ, хотя въ настоящее время колонизанія Тургайской области (сѣверныхъ ея уѣздовъ)—совершившійся фактъ, въ періодической печати продолжается споръ по самому принципиальному вопросу, годится или не годится Тургайская область для земледѣльческой культуры,—споръ, начавшійся десятилѣтія два тому назадъ. Такъ, въ 1892 году „Московскія Вѣдомости“, ратуя за необходимость русской колонизаціи Тургайской области, писали, между прочимъ, слѣдующее: „огромныя пространства степного генераль-губернаторства... настоятельно требуютъ русской колонизаціи. Особенно важна въ этомъ отношеніи область Тургайская, которая географически составляетъ нынѣ центръ Россійской имперіи, но въ которой почти не услышишь русскаго звука... Русская колонизація является здѣсь лучшимъ средствомъ для развитія земледѣлія, торговли и промышленности... Русскій мужикъ,

¹⁾ Русская Мысль 1895 г. № 8.

русскій рабочій здѣсь нуженъ государству еще больше, чѣмъ русскіе солдаты и чиновники“. Съ того времени прошло 20 лѣтъ. Тысячи крестьянскихъ семействъ переселились уже въ Тургайскую область. Милліоны истрачены на ихъ переселеніе.

Но вотъ въ самое послѣднее время (въ февралѣ текущаго года) на страницахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ не безызвѣстный современный писатель І. І. Ясинскій, на основаніи личныхъ наблюденій, отрицаетъ не только необходимость, но даже и возможность здѣсь русской колонизаціи. „Въ Тургайскихъ степяхъ, пишетъ онъ, условія жизни благопріятствуютъ гораздо болѣе кочевникамъ (киргизамъ)... Земля не плодородна,—все суглинокъ и супесокъ. *Вообще же вся* (Тургайская) область для земледѣльческой культуры не годится. Отъ заселенія ея русскими земледѣльческими колоніями край не выигриваетъ“. Таковъ взглядъ г. Ясинскаго, однимъ росчеркомъ пера уничтожающаго не только всякій смыслъ русской колонизаціи области, но и сводящаго на нѣтъ результаты всей культурной работы въ краѣ за послѣднія десятилѣтія. Такому взгляду нельзя отказать въ смѣлости и даже въ извѣстнаго рода мужествѣ, хотя, съ другой стороны, онъ отнюдь не можетъ претендовать не только на оригинальность, но даже и на новизну, ибо повторяетъ почти буквально 20 лѣтъ назадъ высказанное въ печати аналогичное мнѣніе: „(Тургайская) область, благодаря неблагопріятнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, не представляетъ никакихъ задатковъ для развитія культурной жизни“¹⁾.

Если бы мы такое противорѣчіе стали объяснять соображеніями партійнаго характера и обратились бы, вслѣдствіе этого, къ печати одного лагерь, даже непосредственно къ той, которая обслуживаетъ интересы инородцевъ, то и тутъ столкнулись бы съ той же картиной. Такъ, столь популярный въ мусульманскомъ мірѣ „Тарджуманъ“ (Переводчикъ) въ 1896 году, высказываясь за желательность русской колонизаціи киргизскихъ степей, писалъ, между прочимъ, (№ 44): „необъятныя пространства киргизскихъ степей могутъ принять кромѣ киргизъ, сотни тысячъ русскихъ поселенцевъ не только безъ стѣсненія киргизъ, но даже и съ пользою для нихъ. Извѣстенъ фактъ, что, нѣсколько русскихъ поселеній, появившихся въ Сыръ-Дарьинской области, принесли киргизамъ востити ну великую пользу“. Въ полную противоположность этому, издающаяся въ Уральскѣ на киргизскомъ языкѣ (съ переводомъ на русскій), газета „Козакестанъ“ (Киргизскій край), говоря о постепенномъ разложеніи киргизскаго родового быта и обѣднѣніи киргизскаго населенія, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, указываетъ на неумѣло насаждаемую русскую колонизацію, подчеркивая, такимъ образомъ, не только отрицательное ея значеніе для степи, но и искусственный ея характеръ.

Уже одна наличность столь притиворѣчивыхъ сужденій, настойчивое повтореніе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ давнихъ поръ и до послѣдняго времени, наконецъ громадная важность затрогиваемыхъ вопросовъ,—все это

1) Сѣверный Вѣстникъ 1891 г. № 2. Стр. 52.

въ достаточной мѣрѣ выясняетъ настоящую необходимость по возможности разобратся и посильно освѣтить нѣкоторые наиболѣе спорные пункты того весьма сложнаго процесса, который протекаетъ теперь въ Тургайской области. Вѣдь, если доводы противниковъ переселенія въ киргизскую степь основательны, если въ колонизаціи Тургайской области, дѣйствительно, нѣтъ ни смысла, ни пользы, то „не лучше ли, отказавшись отъ ежегоднаго передвиженія нѣсколькихъ тысячъ крестьянскихъ семей изъ Европейской Россіи въ Азіатскую, позаботиться о томъ, чтобы на старомъ пепелищѣ, покидаемомъ переселяющимися, были созданы условія, позволяющія вести интенсивное хозяйство“. ¹⁾ Такой выводъ напрашивается самъ собою. А потому нужно особенно внимательно присмотрѣться къ возраженіямъ, дѣлаемымъ противниками переселенія въ Тургайскую область и, по возможности, выяснить дѣйствительную силу ихъ доводовъ. Группируя, съ этою цѣлью, всѣ возраженія противниковъ переселенія въ Тургайскую область, мы можемъ свести наиболѣе существенныя изъ нихъ, къ тремъ основнымъ положеніямъ:

1. Настоящая колонизація Тургайской области имѣетъ искусственно-принудительный характеръ („неумѣлое насажденіе“).

2. Въ дѣйствительности колонизація области не имѣетъ смысла, потому что „условія почвы и климата не благоприятствуютъ земледѣльческой культурѣ“.

3. Дѣйствительная колонизація области бесполезна, „ибо отъ заселенія ея земледѣльческими колоніями край не выигрываетъ“.

Единственно правильный путь для объективно-безпристрастной оцѣнки состоятельности перваго изъ выше приведенныхъ положеній—это путь историческихъ и статистическихъ данныхъ, которыя однѣ только могутъ съ надлежащей авторитетностью и неоспоримой достовѣрностью установить или отвергнуть искусственный характеръ колонизаціи Тургайской области. Обращаясь къ ихъ разсмотрѣнію, мы съ первыхъ же шаговъ наталкиваемся на удивительное единодушіе ихъ въ этомъ отношеніи. Всѣ они подчеркиваютъ тотъ безотчетно-стихійный характеръ народнаго движенія, который мы наблюдаемъ вообще въ процессѣ заселенія киргизскихъ степей русскимъ элементомъ, исключаяцій всякую возможность вліянія со стороны. Мало этого. Въ колонизаціонномъ отношеніи Тургайская область даже по сравненію съ сосѣдними степными областями долгое время стояла особнякомъ. „Несмотря на каждагодное выселеніе туда (Тургайскую область) крестьянъ, читаемъ мы, напримѣръ, уже въ 1895 году, она до сего времени является какъ бы изъятою изъ вѣдѣнія всѣхъ законовъ и распоряженій о переселеніи. Поэтому новоселы представляютъ изъ себя тамъ какой-то совершенно случайный элементъ, самовольно сядящійся въ качествѣ сомнительныхъ арендаторовъ на киргизскихъ земляхъ и обрѣ-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1890 г. № 4. Стр. 804.

зующій свои поселки по Тоболу“. ¹⁾ При этомъ, если мѣстная администрація, продолжая исторически установившееся отношеніе государства къ переселенію, какъ къ явленію только терпимому, а съ другой стороны, стоя на стражѣ ложно понятыхъ интересовъ мѣстнаго населенія, и принимала какія либо мѣры, то эти мѣры были направляемы первоначально только въ сторону запрета, воспрепятствованія и даже прекращенія этого движенія. Достаточно указать, что „для правильной колонизаціи крестьянами внутреннихъ губерній Тургайская область открыта только съ 1904 года“. ²⁾ Однако, никакія преграды не могли остановить движенія народныхъ массъ, обусловленнаго требованіями самой жизни. „Уже за нѣсколько лѣтъ до возбужденія вопроса о возможности и разрѣшеніи колонизаціи киргизской степи земледѣльческимъ элементомъ, жизнь взяла свое“ ³⁾. Въ началѣ 90 г.г. крестьяне-переселенцы, „безъ всякихъ пособій и льготъ, однимъ тяжелымъ упорнымъ трудомъ“ создали уже въ Тургайской области обширное русское поселеніе (вскорѣ уѣздный городъ) Кустанай ⁴⁾, опорный пунктъ переселенія. И вмѣстѣ съ симъ волны переселенческаго движенія, то ослабѣвая, то усиливаясь, а временами поднимаясь и до громаднхъ размѣровъ, съ каждымъ годомъ начинаютъ заливать обширныя равнины Тургайской области, создавая совершенно новыя условія труда, внося новыя начала и формы въ мѣстную инородческую среду, видоизмѣняя даже и внѣшній ея обликъ. „Такъ какъ городскаго надѣла оказалось скоро недостаточно, крестьяне перешли къ арендованію участковъ у киргизъ. Такихъ участковъ въ 1900 году оказалось до 20 съ населеніемъ около 18 тысячъ“ ⁵⁾. При этомъ русская администрація края иногда узнавала о поселеніяхъ русскихъ среди киргизъ случайно. Е. Шмурло, въ своей работѣ „Переселенческій и киргизскій вопросы въ Акмолинской области“, приводитъ слѣдующій глубоко-знаменательный фактъ: „Въ одну изъ своихъ поѣздокъ по области акмолинскій губернаторъ открылъ на урочищѣ Мусиномъ-Петропавловскаго уѣзда, цѣлую русскую деревню и вынужденъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ. Крестьяне получили право остаться, а деревню назвали Явленною, каковою она и была на самомъ дѣлѣ“. То же самое, вѣроятно, происходило и въ Тургайской области. По крайней мѣрѣ тотъ же Е. Шмурло, въ той же работѣ, говоритъ буквально слѣдующее: „къ слову сказать, весь этотъ процессъ осѣданій русскаго челоѣка на Акмолинской почвѣ - чуть не дословное повтореніе такой же исторіи съ основаніемъ г. Кустаная и поселковъ по Тоболу, въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области“. Такъ, предоставленная сама себѣ, живая струя стихійнаго народнаго движенія почти безсознательно, инстинктивно, но рѣдко ошибочно, выбирала наиболѣе благопріятное для себя направленіе, какимъ-то чутьемъ угадывала мѣстности съ наиболѣе под-

¹⁾ Русская мысль 1895 г. № 8, стр. 86.

²⁾ Обзоръ Тургайской области за 1910 г. Оренбургъ. 1911 г., стр. 12.

³⁾ Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Т. 18, подъ ред. В. С. Семенова. Стр. 235.

⁴⁾ Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVII. Стр. 120.

⁵⁾ Россія. В. С. Семенова. Стр. 235.

ходящими условіями, старательно обходила всякія преграды и препятствія, и медленно, но за то безошибочно приводила къ искомой цѣли,—прочному устройству на новыхъ мѣстахъ. Какой-нибудь Иванъ Петровъ или Сидоръ Михайловъ безъ всякихъ проволочекъ, не справляясь даже о томъ, насколько законно или незаконно его появленіе въ киргизской степи, приходилъ въ степь, „въ киргизы“, арендовалъ землю, собиралъ около себя десятки другихъ Петровыхъ и Михайловыхъ, и выросталъ въ степи русскій поселокъ. Разумѣется, дѣло не обходилось безъ недоразумѣній, ибо оно усложнялось ограниченіями арендованія киргизскихъ земель, созданными положеніемъ 1891 г., которыя шли въ разрѣзъ съ процессами, совершившимися въ степи, и которыя сама мѣстная администрація затруднялась примѣнять на практикѣ“¹⁾. Развитіе историческаго процесса остановить нельзя. Слишкомъ жизненно было это народное движеніе, слишкомъ глубоко проникло оно въ крестьянскую среду, настолько соотвѣтствовало психикѣ ея въ данное время, что всякія преграды были бесполезны. Народъ шелъ, повинуюсь исторической традиціи заселенія окраинъ. И тогдашняя администрація дѣлала тутъ ошибку, какую позднѣе дѣлаетъ г. Ясинскій: она видѣла въ переселеніи капризъ переселенцевъ, какъ г. Ясинскій видитъ въ немъ капризъ администраціи. Но несмотря ни на какія запретительныя мѣры, оно шло безостановочно своимъ исторически-неизбѣжнымъ путемъ, образуя новые и новые поселки. „Мѣстное начальство начинаетъ принимать всевозможныя мѣры, отбирать подписки о сносѣ построекъ, угрожаетъ насильственнымъ выселеніемъ“²⁾; но въ концѣ концовъ поселокъ утверждался административной властью. И бытописатель судебъ киргизскаго края эпически-спокойно замѣчаетъ по этому поводу: „хотя доступъ въ киргизскую степь съ весны 1891 года и былъ закрытъ официально, однако наплывъ переселенцевъ непрерывно продолжался“ При такихъ условіяхъ о какомъ либо „насажденіи“ русскихъ поселковъ, очевидно, говорить не приходится. Единственнымъ, истиннымъ и дѣйствительнымъ колонизаторомъ киргизской степи является, такимъ образомъ, нашъ простой русскій мужикъ, который, какъ англичанинъ въ Индіи или нѣмецъ въ Африкѣ, безъ давленій или побужденій со стороны, просто въ силу экономическихъ требованій и безсознательнаго, но исторически-цѣлесообразнаго чувства, приходилъ и селился въ степи, образуя первые камни того фундамента, на которомъ выросла и развилась міровая историческая миссія русскаго народа и государства ввести свѣтъ культуры въ полудикія азіатскія страны.

Хотя вышеприведенныя данныя относятся еще къ тому періоду въ исторіи переселенія, когда и въ печати, и обществѣ еще шелъ споръ о томъ, „пускать ли въ Сибирь свободно и безъ всякихъ ограниченій, или регулировать и регламентировать переселеніе“³⁾, тѣмъ не менѣе пресловутое насажденіе едва ли могло имѣть мѣсто и во второй — болѣе народ-

¹⁾ Кауфманъ А. А. „Переселенцы-арендаторы Тургайской области“. С.-Петербургъ. 1897 г.

²⁾ Лось-Рошковскій. Самовольцы Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области.

³⁾ Книжки Недѣли 1897 г. № 5, стр. 78.

ный періодъ, когда инициатива перешла въ руки правительства. Во всякомъ случаѣ, весьма и весьма затруднительно примирить такое искусственное насажденіе съ имѣющимися статистическими данными о размѣрахъ движенія самовольцевъ-переселенцевъ въ Тургайскую область.

Движеніе самовольцевъ-переселенцевъ, напримѣръ, въ Кустанайскій уѣздъ, начиная съ 1898 года, постепенно, съ каждымъ годомъ, возрастало, достигнувъ въ 1904 году 14⁰/₀. Необыкновенно бурный 1905 годъ нѣсколько уменьшилъ высоту этого прилива; но уже въ слѣдующемъ году онъ снова достигаетъ громадныхъ размѣровъ. „Въ этомъ году прибываетъ 25⁰/₀ всѣхъ переселившихся за 13 лѣтъ“ ¹⁾. Въ 1909 году въ Тургайско-Уральскомъ переселенческомъ районѣ (преимущественно въ уѣздахъ Кустанайскомъ и Уральскомъ) проживало самовольцевъ 30663 души мужскаго пола. Въ 1910 году въ общей массѣ водворенныхъ на новыхъ земляхъ числилось 40,9⁰/₀ легальныхъ переселенцевъ и 59,1⁰/₀ самовольцевъ ²⁾, т. е. именно такихъ, которые идутъ въ степь по собственному почину, безъ всякаго содѣйствія и даже вопреки распоряженіямъ мѣстной административной власти. Если ко всему этому присоединить, что въ общій потокъ переселенческаго движенія въ Сибирь нѣкоторыя губерніи (напримѣръ Воронежская въ 1909 году) посылаютъ иногда до 80⁰/₀ самовольцевъ, часть которыхъ несомнѣнно попадаетъ и въ Тургайскую область, станетъ очевиднымъ, что объ искусственномъ „насажденіи“ русскихъ поселковъ въ Тургайской области не можетъ быть и рѣчи, ибо несомнѣнно, что „частная инициатива и предприимчивость шли въ Сибирь впереди правительственной настойчивости“ ³⁾.

Обращаясь къ детальному разбору втораго положенія о непригодности Тургайской области для земледѣлія и земледѣльческаго населенія, мы должны прежде всего отмѣтить, что во второй половинѣ 90 годовъ, т. е. къ періоду особеннаго усиленія переселенческаго движенія два уѣзда Тургайской области, собственно и предназначенные къ колонизаціи, а именно Кустанайскій и Актюбинскій, „были изслѣдованы статистической экспедиціей Щербины, которая скончательно выяснила, какъ полную пригодность ихъ для русской колонизаціи, такъ и наличность (для нея) свободныхъ земель“ ⁴⁾. Позднѣйшія же изслѣдованія почвенныхъ и другихъ мѣстныхъ условій, какъ видно изъ дальнѣйшаго, въ большинствѣ случаевъ только подтвердили вышеприведенное положеніе Щербины. Въ настоящее время, по качеству почвы и отчасти общему характеру мѣстности, принято дѣлить Тургайскую область на двѣ части: сѣверную—приблизительно въ составѣ уѣздовъ Актюбинскаго и Кустанайскаго, и южную—въ составѣ уѣздовъ Иргизскаго и Тургайскаго. „Въ то время какъ первая хорошо орошена, имѣетъ довольно плодородную почву, южная часть изобилуетъ солончаковыми и песчаными почвами“ ⁵⁾. Преобладающимъ ти-

¹⁾ Извѣстія Областной Земской Организациі. Полтава 1911 г. Стр. 89.

²⁾ Оренбургскій Край. 1911 г. „Колонизація Тургайской Области“.

³⁾ Россія. Культурно-политическая географія, профессора Гетвера.

⁴⁾ Брокгаузъ и Эфронъ, 67 пол. 95 стр.

⁵⁾ Тургайско-Уральскій переселенч. районы. Стат. обз. за 1907 г. Оренбургъ. 1908 г. стр. 11.

помъ почвы въ сѣверной части области является почва черноземовидная, которая занимаетъ Актюбинскій, Кустанайскій и даже сѣверную часть Иргизскаго уѣзда, причемъ качество ея постепенно ухудшается въ направленіи съ сѣвера на югъ. Такое преобладаніе отмѣчено и на геологической картѣ киргизскаго края, приложенной къ книгѣ В. С. Семенова „Киргизскій Край“, гдѣ сѣверная часть Тургайской области преимущественно заштрихована шоколаднымъ цвѣтомъ, отмѣчающимъ преобладаніе черноземовидныхъ почвъ. При этомъ по качеству здѣшній черноземъ не уступаетъ средне-русскому (содержаніе перегноя въ немъ 6—10% ¹⁾). Земледѣльческая культура, слѣдовательно, имѣетъ всѣ данныя для самаго широкаго распространенія въ указанныхъ частяхъ области.

Не ограничиваясь этимъ, въ цѣляхъ наиболѣе лучшаго и полнаго освѣщенія затронутаго вопроса, въ высшей степени важно привести здѣсь подробнѣйшую классификацію разнообразныхъ почвенныхъ типовъ Тургайской области, изъ которой, впрочемъ, мы заимствуемъ только первыя двѣ рубрики, по преимуществу относящіяся къ колонизируемымъ мѣстностямъ области ²⁾.

I. Суглинки	{	Черноземовидные	{	рыжіе бурые
		Темнокаштановые		
		Каштановые		
		Свѣтло-каштановые:		
II. Супеси	{	Темноокрашенные	{	Желтыя ³⁾ .
		Сѣрые и бурые		
		Желтыя ³⁾ .		

„Опытъ мѣстной земледѣльческой культуры, говорится далѣе въ цитируемой нами работѣ, относитъ въ разрядъ вполне пригодныхъ для земледѣлія, почвы указанные въ рубрикахъ I и II въ вышеприведенной ихъ постепенности“.

Обращаясь, въ частности, къ Кустанайскому уѣзду, мы находимъ здѣсь почву черноземную, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суглинистую, но вполне способную къ воздѣлыванію. На этомъ общемъ фонѣ встрѣчаются (въ сѣверной части Кустанайскаго уѣзда) прекрасныя плодородныя мѣстности, настолько богато покрытыя превосходнымъ черноземомъ, что при правильной постановкѣ и хорошемъ веденіи сельскаго хозяйства „можно использовать землю почти непрерывно, подняявъ производительность почвы до 150 пудовъ пшеницы на одну казенную десятину“. Но это обстоятельство, конечно, не можетъ служить мѣриломъ при сужденіи о цѣнности въ сельско-хозяйственномъ отношеніи всей земельной площади Кустанайскаго уѣзда, а потому, для выясненія средней урожайности приведемъ слѣдую-

¹⁾ Россія. Т. 18. Киргизскій край. Стр. 59.

²⁾ Въ настоящее время переселенческіе участки нарѣзываются уже на сѣверѣ Тургайскаго уѣзда.

³⁾ Описаніе переселенческихъ участковъ, образованныхъ въ Тургайско-Уральскомъ переселенческомъ районѣ въ 1908 году. Оренбургъ 1908 г. Стр. 27.

щія свѣдѣнія, относящіяся къ благопріятному урожаю 1907 года и къ малоблагопріятному 1910 года.

Съ одной казенной десятины собрано пудовъ зерна:

	1907 г.	1910 г.
Озимой ржи	47	18
Яровой пшеницы	62	39
Проса	48	13
Овса	59	41

Если мы, сопоставляя эти данныя, примемъ во вниманіе мѣстную систему веденія хозяйства (залежную), экономическую слабость новоселовъ, отсутствіе удобренія, отсутствіе надлежащихъ агрономическихъ знаній и другія мѣстныя условія сельскаго хозяйства, то мы съ полнымъ правомъ можемъ признать положеніе о непригодности Тургайской области для земледѣльческой культуры не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и повторить слова извѣстнаго знатока Тургайской области Добросмыслова, что „вся площадь сѣвернаго района области, изобилуя прекрасными пастбищами, вполнѣ пригодна для земледѣлія“.

Что касается безрезультатности и бесполезности русской колонизаціи области, то тутъ прежде всего необходимо вспомнить, что „наукѣ признанъ величайшей ошибкой тотъ распространенный въ наше время взглядъ, что можно *сразу* поднять первобытнаго человѣка на болѣе высокую степень культуры, если дать ему въ руки вмѣсто привычныхъ ему орудій желѣзныя“¹⁾. Мѣстное инородческое населеніе, — разумѣется, не первобытной эпохи; но правило: *Natura non facit saltus* (природа не дѣлаетъ скачковъ) остается и для него неизмѣннымъ. Съ другой стороны, и самый процессъ колонизаціи, фактически едва начавшійся полтора-два десятилѣтія тому назадъ, въ настоящее время находится еще въ періодѣ развитія, и во всякомъ случаѣ далеко не завершился. При такихъ условіяхъ, подводить итоги, дѣлать окончательные выводы, придавая имъ при этомъ категорическую форму, значить опережать самыя событія, и съ громаднымъ при томъ рискомъ, — или сдѣлать ошибку въ ту или другую сторону, или изъ-за деревьевъ не разглядѣть лѣса.

Вотъ почему мы, воздерживаясь пока отъ какихъ либо выводовъ, обратимся къ первоисточнику, — къ исторіи колонизаціи края, и въ ней, въ ея историческомъ ходѣ, попытаемся найти отвѣтъ на вопросъ: выигрываетъ ли край отъ заселенія его русскимъ элементомъ?

Начавшись во второй половинѣ 19 столѣтія и постепенно усиливаясь, переселеніе къ началу 90 г.г. настолько окрѣпло, что въ это время въ одномъ Кустанайскомъ уѣздѣ находилось уже 10 поселковъ съ 8026 душъ жителей обоого пола. 1-го октября 1893 года поселеніе Ку-

¹⁾ „Вселенная и Человѣчество“. Изд. „Просвѣщеніе“. Т. III стр. 391.

станай, созданное исключительно энергіей и предприимчивостью русскаго мужика-переселенца, превращается въ бойкій торговый городской центръ, начавшій скоро соперничать съ Оренбургомъ и Троицкомъ. Въ 1899 году въ Кустанайскомъ уѣздѣ изъ многочисленныхъ поселковъ окончательно сформировываются три русскія волости: Александровская, Боровская и Затобольская. Въ 1900 году здѣсь оказалось уже 20 арендованныхъ (у киргизъ) участковъ съ населеніемъ около 18 тысячъ. Съ 1902 года переселеніе, заполнивъ собою громадныя пространства сѣверо-восточной части Кустанайскаго уѣзда, съ ея плодородной почвой и съ характеромъ мѣстности подходящей къ лѣсостепи, перекидывается въ юго-западную часть уѣзда, гдѣ почва уже хуже и древесной растительности почти совсѣмъ нѣтъ. Худшія условія труда, общій глухой характеръ мѣстности, вдали отъ всякихъ городскихъ центровъ, отсутствіе путей сообщенія, — все это, въ совокупности, должно было бы, повидимому, остановить переселеніе въ эту часть Кустанайскаго уѣзда. Однако, какъ бы, въ подтвержденіе того взгляда, что переселеніе есть не случайное явленіе въ русской народной жизни, а глубоко лежащій экономически необходимый, исторически цѣлесообразный процессъ, мы наблюдаемъ совершенно обратную картину. Въ верховьяхъ Тобола, по рѣчкамъ: Джарлы, Шартонка, Айдарлы, Котансу, Кайракты и проч., съ поразительной быстротой возникаютъ переселенческіе поселки, вызывая необходимость учрежденія для этой части Кустанайскаго уѣзда двухъ новыхъ переселенческихъ подрайоновъ 4 и 5-го. О населеніи 4-го подрайона, составившагося изъ поселковъ, образованныхъ исключительно въ 1907 и 1908 годахъ, можно судить по обследованію, произведенному, согласно моей просьбѣ, въ 1910 году завѣдывающимъ 4-мъ подрайономъ для опредѣленія количества дѣтей школьнаго возраста. Таковыхъ, согласно обследованію, оказалось около 1000 человекъ. О томъ, какъ заселялся 5-й подрайонъ, можно видѣть изъ ниже приведенной таблицы, сообщенной мнѣ въ 1910 г. завѣдывающимъ 5-мъ подрайономъ:

Наименованіе поселковъ.	Число душев. долей.	Было семей въ:		Число жителей въ 1910 г.		Всего.
		1909 г.	1910 г.	мужч.	женщ.	
Айдарлинскій	326	—	86	283	242	525
Джанабайскій	231	30	46	154	122	276
Джасайскій	659	61	102	303	254	557
Кайрактинскій	406	—	24	71	67	138
Катансинскій	986	—	266	803	710	1513
Туратсайскій	1023	—	148	478	373	851
Тыкашинскій	615	60	191	538	490	1028

Изъ этой таблицы видно, что тамъ, гдѣ въ 1909 году не было ни одного человѣка, въ 1910 году явились уже цѣлы десятки семей, а на мѣсто десятковъ явились сотни. Общее же населеніе подрайона, включая сюда и два поселка, образованныхъ въ 1902 году (Адамовскій и Аниховскій), въ 1910 году простиралось до 6½ тысячъ. Въ 1911 году, въ томъ же 5-мъ подрайонѣ еще открыты для заселенія 7 новыхъ участковъ съ общимъ количествомъ душевыхъ долей до 3148, приблизительно на 1049 семей, полагая въ среднемъ по три душевыхъ доли на одну семью. Общее же населеніе указанныхъ поселковъ 5-го подрайона (включая и новый Керуэнбайскій) достигло въ 1911 году 7½ тысячъ.

Въ настоящее время только въ этихъ двухъ, позднѣе другихъ образованныхъ подрайонахъ Кустанайскаго уѣзда, значится пять русскихъ волостей (Адамовская, Аниховская, Катансинская, Каменецкая и Шевченковская), открыто болѣе 20 училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, при которыхъ одно 2-хлассное; учреждено три постоянныхъ церковныхъ причта (помимо разъѣзднаго); устроена больница. Кромѣ того поступаютъ новыя ходатайства объ открытіи школъ и учрежденіи церковныхъ причтовъ. И это еще далеко не все. При непрерывно возраставшемъ спросѣ на школы, въ виду постоянного роста общаго числа ихъ, для юго-западной части Кустанайскаго уѣзда, въ 1909 году образуется вторая въ уѣздѣ инспекція, которая къ 1-му января 1911 года состояла изъ слѣдующихъ училищъ:

1. Двухклассныхъ русско-киргизскихъ . . . 3
2. Двухклассныхъ русскихъ 1
3. Одноклассныхъ русскихъ 71
4. Аульныхъ (инородческихъ) 15,

а всего 90 училищъ, изъ коихъ едва ли не $\frac{2}{3}$ открыты за послѣдніе три года. Кромѣ того, въ настоящее время учебнымъ начальствомъ разрѣшено преобразование двухъ начальныхъ училищъ (Архангельскаго и Шевченковскаго) въ 2-хлассныя, разрѣшено открытіе 5 вторыхъ училищъ при существующихъ уже и, наконецъ, значительно усилены средства аульныхъ школъ. Оцѣнить успѣхи народной школы здѣсь можно, сравнивъ вышеупомянутыя данныя съ таковыми же въ сосѣднихъ уѣздахъ Оренбургской губерніи: Орскомъ и Верхнеуральскомъ. Оба, вмѣстѣ взятые уѣзда, по числу школъ равняются только половинѣ Кустанайскаго уѣзда. Припомнимъ здѣсь, что недавно г. Петровъ въ № 68 „Русскаго Слова“, говоря о колонизаціи Японіей Кореи, писалъ между прочимъ: „Школа тамъ обязательна. Японскій переселенецъ идетъ съ плугомъ въ одной рукѣ и со школою въ другой“. Если у насъ нѣтъ пока обязательнаго обученія, то успѣхи народной школы несомнѣнны.

Такимъ образомъ тамъ, гдѣ 12—15 лѣтъ назадъ, нельзя было встрѣтить „ни звука русскаго, ни русскаго лица“, гдѣ была почти дѣвственная, заповѣдная глушь, едва тронутая рукой человѣка, тамъ теперь чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться русскіе поселки, заселяются пу-

стѣнные равнины, раздается живая русская рѣчь, развивается земледѣльческая культура и русская гражданственность, создается, наконецъ, „съ изумительной быстротой на американскій образецъ“ ¹⁾ городской культурный центръ Кустанай. Такъ, на далекой окраинѣ, на могучихъ плечахъ исполина-народа, его трудомъ, энергіей и предприимчивостью расширяется, растетъ и крѣпнеть русское народное дѣло. Такова „безрезультатность“ переселенія. А вѣдь процессъ колонизаціи еще не завершился. . . .

Это одна сторона вопроса — русская; но не надо забывать другую, — киргизскую, тѣмъ болѣе, что ей именно, будто бы, принадлежитъ страдательная роль въ этомъ сложномъ вопросѣ. Къ ней и обратимся. О вредѣ русской колонизаціи для мѣстнаго кочевого киргизскаго населенія начали говорить очень рано, чуть ли не одновременно съ началомъ переселенія. Такъ, въ 1891 году Султанъ Гази-Вали-Ханъ въ обширномъ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ № 5305 „Новаго времени“ ²⁾ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Со времени водворенія русскихъ въ краѣ киргизы-кочевники начинаютъ нищать, такъ что поступали въ тѣхъ мѣстахъ заявленія казаковъ, что въ станицахъ и поселкахъ большой наплывъ обѣднѣвшихъ киргизъ. . . Положеніе ихъ съ каждымъ годомъ дѣлается труднѣе“. Что эти жалобы не оставались безъ послѣдствій, видно, хотя бы изъ того факта, что, благодаря долго существовавшему у областной администраціи взгляду на вредъ колонизаціи для кочевого киргизскаго населенія, рискующего, будто бы, лишиться своего приволья, къ правильной нарѣзкѣ участковъ и отводу земель переселенцамъ тамъ не приступали до 1895 года ³⁾. А между тѣмъ киргизская степь едва-ли нуждалась въ такой исключительной мѣрѣ. Нельзя отрицать, конечно, того, что экономически бытовая жизнь киргизъ, подъ вліяніемъ переселенія, переживаетъ временно извѣстный надломъ. Новыя формы жизни, другія системы хозяйства не могли остаться безъ вліянія на примитивно-натуральное хозяйство киргизъ, которое для своего дальнѣйшаго развитія, естественно, потребовало иныхъ нормъ, другихъ устоевъ. На этотъ новый путь примитивное киргизское хозяйство толкали впрочемъ помимо (и до) переселеній и періодическія катастрофы, легко разражавшіяся при прежнихъ условіяхъ. Достаточно вспомнить ужасную зиму 1879—1880 г.г., въ которую погибъ почти весь скотъ киргизъ Тургайскаго уѣзда и оставившую такой ужасный слѣдъ въ экономической жизни киргизъ, что даже официальные „Тургайскія Областныя Вѣдомости“ ⁴⁾ именно его считаютъ „началомъ образованія среди киргизъ довольно многочисленнаго класса пролетаріевъ, такъ называемыхъ „джетаковъ“, скитающихся по золотымъ приискамъ и поселеніямъ въ качествѣ рабочихъ и пастуховъ“.

Нельзя отрицать и признаковъ постепеннаго разложенія стараго родового быта киргизъ, съ его патріархальными правами и порядками; но говоря словами Скабичевскаго, „что отжило, тому не жить второй разъ“.

¹⁾ Энциклопед. Словарь. 38 полут. Стр. 121.

²⁾ „Русская Мысль“. 1891 г. № 3.

³⁾ „Русская Мысль“. 1895 г. № 8 отд. II. Стр. 95.

⁴⁾ 1891 года № 2.

Переходныя эпохи потому и являются переходными, что онѣ чреваты чѣмъ-либо новымъ, еще не бывалымъ въ жизни, и такъ или иначе удовлетворяющимъ выросшія потребности“. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ искать корень всѣхъ золъ теперешней киргизской жизни въ „неумѣломъ насажденіи“ русской колонизаціи, безпристрастно разсуждая, едва ли правильно. И вотъ почему. Переселеніе въ степь, помимо наилучшаго устройства русскихъ крестьянъ, имѣть, несомнѣнно, въ виду и задачу культуры самаго мѣстнаго инородческаго населенія, стремясь къ замѣнѣ чисто военнаго нашего преимущества здѣсь преимуществомъ культурно-экономическимъ, которое одно только служить единственнымъ условіемъ нашего укрѣпленія въ киргизской степи, политическое значеніе которой, какъ „ключей и воротъ Азіи“, впервые оцѣнилъ еще государственный гений Великаго Петра. Не будемъ отрицать важнаго политическаго значенія нашей колонизаціи пустынныхъ равнинъ Средней Азіи, органическая связь которыхъ съ другими частями Имперіи еще такъ слаба, и поддерживается, главнымъ образомъ, ежегоднымъ притокомъ свѣжихъ народныхъ силъ въ лицѣ переселенцевъ, незамѣтно, исподволь исполняющихъ для государства ту кропотливую и важную работу, которая въ концѣ концовъ приведетъ къ образованію сплоченнаго и сильнаго своими кровными связями національнаго ядра“¹⁾. Но, съ другой стороны, и трехмилліонный киргизскій народъ, свободный еще пока отъ мусульманскаго фанатизма, представляетъ собою прекрасную, благодарную почву для всякихъ культурныхъ начинаній. Исламъ пока не проникъ глубоко въ міровоззрѣніе и жизнь киргизъ, а потому вполне можно вѣрить въ жизненность, будущее процвѣтаніе и приобщеніе киргизскаго народа къ міровой общечеловѣческой культурѣ. Русская культура на киргизской почвѣ пока представляетъ растеніе слишкомъ хрупкое, требующее осторожнаго, умѣлаго обращенія и самаго внимательнаго къ себѣ отношенія. И мы думаемъ, что послѣдовательное упорядоченіе киргизской жизни, постепенное водвореніе въ краѣ русской культуры потребуетъ, можетъ быть, напряженной работы даже не одного, а нѣсколькихъ поколѣній. Въ высшей степени умѣстно вспомнить здѣсь золотыя слова незабвенной памяти Н. И. Ильминскаго, — великаго знатока инородческихъ вопросовъ: „перемѣна идеаловъ своихъ отечественныхъ на русскія должна произойти и въ нашихъ инородцахъ, чтобы они внутренно соединились съ русскимъ народомъ, съ искреннимъ уваженіемъ приняли русскія понятія и усвоили русскій языкъ“. Могущественную роль должна сыграть народная школа; но объ этомъ поговоримъ ниже.

Если мы теперь съ теоретической точки зрѣнія перейдемъ на чисто практическую, къ цифрамъ и фактамъ, освѣщающимъ дѣйствительное положеніе дѣла, то здѣсь также придется говорить не о вредѣ колонизаціи для мѣстнаго инородческаго населенія, а о несомнѣнной пользѣ ея. Такъ обычно указываютъ на сокращеніе скотоводства, главнаго источника благосостоянія мѣстнаго населенія. Уменьшеніе пастбищъ ведетъ къ сокраще-

¹⁾ „Русская Мысль“ 1895 г. № 8 отд. II, стр. 83.

нію скотоводства и обѣднѣнію и даже вымиранію населенія. Состояніе скотоводства въ Тургайской области за четыре послѣднихъ года 1907—1910 г.г. выражалось въ слѣдующемъ видѣ.

На одну кибитку приходилось головъ крупнаго скота (переводя мелкій скотъ на крупный, полагая 6 головъ мелкаго за 1 голову крупнаго):

Въ 1907 г.	15,37
„ 1908 „	15,88
„ 1909 „	16,62
„ 1910 „	17,49 ¹⁾

Изъ этихъ данныхъ вполне ясно, что скотоводство киргизъ развивается, а не сокращается. Но этого мало. Наиболѣе обезпеченнымъ скотомъ оказывается наиболѣе колонизуемый уѣздъ Тургайской области, — Кустанайскій, гдѣ въ среднемъ на кибитку приходится 20 головъ крупнаго скота ²⁾. При этомъ, что касается замѣчаемаго за послѣднее время увеличенія численности рогатаго скота за счетъ лошадей и верблюдовъ, то этой лучшей показатель перехода отъ скотоводческой формы хозяйства къ земледѣльческому быту. О вымираніи же населенія, при ежегодномъ приростѣ киргизскаго населенія области въ $4—4\frac{1}{2}\%$ ³⁾, говорить, очевидно, не приходится. Но если отрицательное вліяніе колонизаціи на инородцевъ не поддается пока учету, то положительное можно прослѣдить съ возможной, при данныхъ условіяхъ, точностью. Такъ, газ. „Тарджуманъ“ сообщаетъ въ вышеупомянутой статьѣ слѣдующій фактъ: „переселенцы привезли въ степь косу, и теперь, благодаря этой незатѣйливой штукѣ, киргизы косятъ сѣно, дѣлаютъ запасы на зиму, спасая свой скотъ отъ джута и голодовки“. Но особенно серьезное значеніе для всего уклада киргизской народной жизни имѣетъ прогрессирующее развитіе у киргизъ земледѣлія. Слѣдуетъ замѣтить, что „вообще развитіе земледѣлія въ киргизскомъ краѣ находится въ непосредственной зависимости отъ крестьянской колонизаціи“ ⁴⁾. Со времени послѣдняго десятилѣтія прошлаго столѣтія и официальные отчеты, и печать ⁵⁾ начинаютъ отмѣчать вліяніе переселенія въ этомъ направленіи. Въ половинѣ 90 г.г. киргизы Тургайской области, подъ вліяніемъ переселенцевъ, распахивали 140706 казенныхъ десятинъ ⁶⁾. По приблизительнымъ даннымъ (не вполне точнымъ) Переселенческаго управленія, общая площадь посѣва въ 1902 году достигала 189031 десятины, а въ 1905 г. 199430 десятинъ. Наконецъ въ 1910 г., согласно официальному отчету, въ одномъ только Кустанайскомъ уѣздѣ киргизами посѣяно около 114273 десятинъ. При этомъ нѣкоторыя киргизскія волости Кустанайскаго уѣзда, а именно тѣ, которыя ранѣе дру-

¹⁾ Обзоръ Тургайской области. 1911 г. Стр. 29.

²⁾ Тамъ же. Стр. 30.

³⁾ Обзоръ Тургайской области. 1911 г. Стр. 29.

⁴⁾ Россія В. П. Семенова, т. 18, стр. 228.

⁵⁾ Ковалевскій, В. И. Производительныя силы Россіи. С.П.Б. 1896 г.

⁶⁾ Вопросы управленія, хозяйства и проч., разрѣшенные въ общемъ присутствіи Областного Правленія съ 25 января по 12 февраля 1894 года.

гихъ подверглись крестьянской колонизаціи, съ каждымъ годомъ обнаруживаютъ особые успѣхи въ земледѣліи, что стоитъ въ тѣсной связи съ усиленіемъ здѣсь русскаго колонизаціоннаго элемента. Такъ, напримѣръ, Аракарагайская волость, Кустанайскаго уѣзда, можетъ быть представлена въ нижеслѣдующихъ цифрахъ, указывающихъ на несомнѣнный ростъ киргизскаго хозяйства:

Годы:	% сѣющихъ хоз.	Десятинъ посѣва на 1 хоз.
1898	72,3	2,4
1905	94	7,6 ¹⁾

Необходимо здѣсь также отмѣтить, что среди киргизъ начинаютъ встрѣчаться, правда, пока отдѣльно, но весьма солидныя хозяйства, иногда съ довольно ярко выраженнымъ промышленнымъ характеромъ, и съ площадью посѣва болѣе 100 десятинъ. Такъ, личный знакомый автора сихъ строкъ, волостной управитель Джетыгарынской волости Кустанайскаго уѣзда А. Кондубаевъ, по его собственнымъ словамъ, засѣялъ въ прошломъ году болѣе 120 десятинъ и примѣнялъ при этомъ въ хозяйственномъ дѣлѣ лучшія селско-хозяйственныя орудія. Можно привести множество другихъ характерныхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, киргизы Актюбинской и Аралтюбинской волостей, Актюбинскаго уѣзда въ 1910 году ассигновали на приобрѣтеніе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій около 7½ тысячъ рублей. Замѣчается, наконецъ, явное стремленіе киргизъ цѣлыхъ волостей перейти къ осѣдности. Явленіе это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ волостяхъ Актюбинской, Актюбинскаго уѣзда, Мендыгаринской, Кустанайскаго уѣзда и др. Въ послѣдней о землеустройствѣ сначала хлопотали 845 домохозяевъ, но потомъ къ нимъ присоединилась вся волость. При этомъ благосостояніе населенія, какъ это подтверждается произведеннымъ въ 1910 году статистическимъ обследованіемъ киргизскихъ волостей Актюбинскаго уѣзда, непрерывно повышается, хотя Актюбинскій уѣздъ принялъ 8701 переселенческую семью, потребовавшую наѣзку и отводъ около 100 участковъ. Вообще, проѣхавшіе по сѣверной части области, можно вполне убѣдиться, что земледѣльская культура среди мѣстнаго инородческаго населенія сдѣлала замѣтные успѣхи, и прогрессирующій ростъ ея для сѣверныхъ уѣздовъ области—фактъ неоспоримый. Но особенное развитіе ея, въ связи съ оживленіемъ всѣхъ сторонъ мѣстной жизни, можетъ произойти съ проведеніемъ желѣзнодорожной линіи Уральскъ-Орскъ-Атбасаръ и далѣе. Не забудемъ, что, именно вслѣдствіе удаленности отъ желѣзныхъ дорогъ, даже сильнѣйшая отрасль мѣстной промышленности, — скотопромышленность, — не достигаетъ большихъ размѣровъ ²⁾.

Подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній съ русскими повышаются и культурныя потребности киргизъ. Растетъ спросъ на знаніе русской грамоты, русскаго языка. Постоянно поступаютъ ходатайства объ открытіи

¹⁾ Описаніе переселенческихъ участковъ 1908 г. Оренбургъ, стр. 35.

²⁾ Брокгаузъ и Ефронъ. 59 пол., стр. 253.

аульныхъ школъ. Сущестующіе при русско-киргизскихъ 2-хлассныхъ училищахъ интернаты переполнены, и каждый годъ приходится многимъ отказывать въ приѣмѣ, хотя поступленіе въ интернатъ, согласно существующему правилу, обусловлено окончаніемъ полного курса аульной школы. Но особенно симптоматичнымъ кажется добровольное появленіе въ русскихъ поселковыхъ школахъ, заброшенныхъ иногда въ самые глухіе углы степи, учащихся мальчиковъ-киргизовъ изъ сосѣднихъ съ поселками ауловъ. Такъ, въ Кустанайскомъ уѣздѣ (юго-западной части), въ Прохоровскомъ начальномъ училищѣ было въ минувшемъ учебномъ году 12 учащихся-киргизъ, въ Петровскомъ—два, но 8 отказано въ приѣмѣ, Яковлевскомъ—2, Ольгинскомъ—2, Туфановскомъ—3, и т. д. Каждый день, часто верхами на лошадахъ, являются они въ школу и регулярно посѣщаютъ учебныя занятія. Съ русскими товарищами у нихъ устанавливаются самыя дружественныя отношенія; и въ смыслѣ школьной дисциплины они являются примѣрными учениками. Пока это отдѣльные, единичные факты. Но число ихъ растетъ постепенно. И, можетъ быть, это первые проблески тѣхъ лучей свѣта, которые должны появиться въ этомъ царствѣ вѣковой тьмы.

„Тьма пускай еще ярится,—день взойдетъ могучъ“.

И невольно проникаешься мыслью, что именно здѣсь, въ народной школѣ, —ключъ къ рѣшенію инородческихъ вопросовъ, что именно ей, народной школѣ, суждено сыграть огромную и даже, можетъ быть, рѣшающую роль въ дѣлѣ привитія киргизамъ-кочевникамъ русской культуры; особенно, если принять во вниманіе, что „въ основу всякихъ прочныхъ улучшеній въ народномъ бытѣ, въ основу всякаго движенія впередъ цивилизаціи сельскаго населенія, должна необходимо, неизбѣжно лечь народная школа“¹⁾.

Итакъ, подводя итоги всему сказанному, мы можемъ утверждать, что переселенческое движеніе, основанное исключительно на требованіи дѣйствительной жизни, имѣетъ всѣ шансы на благополучное развитіе его въ сѣверныхъ частяхъ Тургайской области на основахъ, не заграждающихъ развитія благосостоянія мѣстнаго инородческаго населенія. Но говоря такимъ образомъ, утверждая, что на сторонѣ переселенія въ Тургайскую область всѣ данныя на дальнѣйшій ростъ и укрѣпленіе, даже на роль главнѣйшаго фактора въ дѣлѣ культурнаго развитія мѣстнаго края, мы далеки отъ мысли утверждать, что въ этомъ вопросѣ здѣсь сдѣлано все, что возможно и нужно сдѣлать. Наоборотъ, именно здѣсь непочатый уголь труда, именно здѣсь необходима дружная творческая работа. И прежде всего такой работы требуетъ самый колонизаціонный элементъ, сама переселенческая масса. Вѣдь, если въ силу естественныхъ, благоприятныхъ условій „плугъ, коса и топоръ—это все, что нужно имѣть для пользованія благодарными пустынями Средней Азии и Сибири“²⁾,

¹⁾ Ушинскій. Собраніе педаг. сочин., т. 2, стр. 134.

²⁾ Вѣстникъ Европы. 1890 г. Апрѣль. Стр. 825.

то, разумѣется, необходимо обратить особое исключительное вниманіе на качество этихъ плуговъ и косъ. Правда, „едва ли можно отрицать, что большая часть переселенцевъ приходитъ въ Сибирь съ большимъ запасомъ трудолюбія, съ знаніемъ, если не лучшихъ орудій, то болѣе интенсивныхъ способовъ полеводства, чѣмъ какими обладаетъ коренное населеніе тѣхъ многоземельныхъ мѣстностей, куда направляется переселенецъ“¹⁾. Но этого недостаточно. Отводя русскому переселенцу роль культуртрегера, необходимо поставить его въ такія условія, при которыхъ онъ, дѣйствительно, могъ бы служить для кочевника-киргиза примѣромъ въ дѣлѣ усвоенія земледѣльческой культуры, и ужъ во всякомъ случаѣ не бѣдствовалъ бы. Вотъ почему слѣдуетъ обратить вниманіе на хозяйственную устойчивость и экономическую силу колонизаціоннаго элемента. При трудныхъ условіяхъ обработки дѣвственной почвы, экономически слабый элементъ не только не будетъ играть роли учителя, но и самъ будетъ терпѣть, если такъ можно выразиться, хроническіе недороды. Необходимо также распространеніе агрономическихъ знаній, насажденіе сѣти сельскохозяйственныхъ школъ, необходимо и возможно полное освѣдомленіе переселяющихся объ условіяхъ мѣстной жизни. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, весьма часто бываетъ, что переселенцы прибываютъ въ Тургайскую область мало освѣдомленными объ условіяхъ жизни, почвы и климата области, и при переселеніи, главнымъ образомъ, рассчитываютъ на большое количество земли и помощь отъ правительства. Немногіе изъ нихъ приносятъ съ собою необходимую для устройства на новыхъ мѣстахъ сумму денегъ, да и ту обыкновенно они затрачиваютъ на посѣвы, довольно неудачные при недородахъ послѣднихъ лѣтъ. А между тѣмъ переселенцу необходимо имѣть нѣкоторые сельскохозяйственные орудія и нѣсколько штукъ рабочаго скота. Распаханныхъ земель мало. Необходимо поднимать цѣлину, а для этого требуется не менѣе 5 паръ воловъ. Наконецъ, нѣкоторые приходятъ почти безъ всякихъ средствъ, и уже въ первый періодъ переселенія существуютъ на выдаваемую правительствомъ домообзаводственную ссуду, и, конечно, не въ состояніи пріобрѣсти необходимый инвентарь. И въ то время, какъ твердость почвы и засухи значительно сокращаютъ площадь посѣва, недостатокъ инвентаря не позволяетъ иногда переселенцамъ использовать вполне даже старыя киргизскія земельныя запашки, входящія въ предѣлы переселенческаго участка. Та же неприспособленность переселенцевъ къ мѣстнымъ условіямъ мѣшаетъ правильнымъ занятіямъ огородничествомъ, а экономическое слабосиліе не позволяетъ имъ заняться скотоводствомъ,—этой, по мѣстнымъ условіямъ, могущественной поддержкѣ сельскаго хозяйства. Недостатокъ же скота отражается на единственномъ почти въ степи матеріалѣ для отопленія,—кизякѣ, и переселенцы часто должны покупать его у киргизъ. Наконецъ, въ виду отсутствія городскихъ или промышленныхъ центровъ, постороннихъ заработковъ почти нѣтъ, а потому первый же недородъ хлѣбовъ заставляетъ переселенца обращаться къ правительству за по-

1) Сѣверный Вѣстникъ.

мощью. Такъ, въ 1906 и 1907 г.г. роздано ссудъ хлѣбомъ на продовольствіе и обмѣненіе одной небольшой Адмаевской волости, Кустанайскаго уѣзда, болѣе 5½ тысячъ пудовъ, а въ 1908 году въ одной Ольгинской волости, того же уѣзда, выдано ссудъ хлѣбомъ болѣе 3000 пудовъ. Въ 1909 году, вмѣсто взысканія прежнихъ ссудъ, пришлось открыть для населенія той же волости Кустанайскаго уѣзда (и смежной съ нею Коломенской), по случаю недорода, общественныя работы и т. д.

Не удивительно, поэтому, что переселенческая масса, лишенная надежнаго крѣпкаго фундамента, представляетъ собою элементъ крайне шаткій, колеблющійся въ борьбѣ за существованіе, теряющій сотни и тысячи рядовыхъ бойцовъ, которые такъ необходимы, такъ дороги для русскаго дѣла здѣсь, на окраинѣ, и которые могли бы, при другихъ условіяхъ быть полезнѣйшими членами этой массы. Каждый переселенческій подрайонный знаетъ сотни случаевъ, когда переселенецъ, просуществовавъ нѣкоторое время при помощи выдаваемыхъ въ первую очередь 100 рублей домообзаводственной ссуды и получивъ остальные 65 рублей, продаетъ свой скарбъ и уѣзжаетъ въ Россію. Бываетъ и хуже. Объ этомъ говоритъ высокій 0/о смертности среди переселивагося населенія.

„Даромъ ничто не дается;—судьба жертвъ искупительныхъ просить“. Но для перемѣны къ лучшему, для поддержанія нашего переселенца на высотѣ его культурно-историческихъ задачъ, намъ остается сдѣлать еще очень и очень многое. Объ этомъ говоритъ намъ сама жизнь. Къ этому же приглашаетъ насъ и правительство. Это же необходимо для дѣйствительнаго проведенія въ жизнь инородческаго населенія области тѣхъ высокихъ началъ культуры, носительницей которыхъ для странъ Средней Азіи, велѣніемъ историческихъ судебъ, является наше Отечество. Прогрессивно возрастающая почти съ каждымъ годомъ русская колонизація должна здѣсь быть болѣе крѣпкой, имѣть болѣшую устойчивость и силу, дабы она не сопровождалась экономическими потрясеніями и матеріальными и др. жертвами, а съ возможной экономіей всѣхъ ея жизненныхъ силъ неторопливо, но вѣрно исполняла свою высокую историческую миссію.

И. Зоринъ.

